

ОРИОНЕЦ

Теория вихрей

НЕСКОЛЬКО РАЗ приезжал к горе Березовой странствующий писатель по фамилии Березиков.

Тут, как вы понимаете, вступает в силу теория и практика вихрей: летит вихрь от звезд, крутит планеты, атмосферы, океаны, биомассу, обстоятельства, наше пузико, перистальтику, а также крутит и мысли. Мысли закручиваются в буквы. Вот почему странствующий человек после Южной Америки, Испании, Тибета и Китая прибыл на Аркаим, а затем по зову и силе буквы отправился Березиков на гору Березовую. Надо же!

Мы, активисты теории вихрей и вихревой энергии слова, пригласили писателя Березикова на очередные Ручьевские чтения. И предоставили ему слово на открытии этих чтений.

Примерно то, что я вам рассказываю, и рассказал господин Березиков, а также Мельхиседек из ордена Мельхиседек, куда он был принят в университете города Соломанки в Испании, а может быть, и в Южной Америке... Точно никто не знает. Для тех, кто подзабыл: сам Мельхиседек старше патриарха Авраама и является нашим праотцем.

Но! Именно он, Березиков, встретил на горе Березовой нашего Орионца! Как все посвященные, он, конечно, думал, что мы не в курсе Орионца, а наши доктора наук протодушно помалкивали. Он устыдил нас за бездуховность, сообщил, что на горе Березовой живет Вселенский (не областной и не окружной, не деревенский), да, именно Вселенский дух нашего города. Оказывается, он зарисовал его портрет авторучкой. Он бегал по конференц-залу и раздавал рисунки всем желающим.

— Ну, конечно, это наш Орионец, — молча говорю я, получив портрет.

— Но чудо не только в том, что на горе Березовой обитает то видимый, то невидимый вселенский дух, — горячился путешественник Мельхиседек Березиков, — чудо в том, что тысячи людей, добывающих здесь металл, создали вихрь единой мысли: «Я здесь хочу жить хорошо!» Это как электрический ток, устойчивый вихрь. И он понесся вихрем к небу. С годами на вершине этой круглой пирамиды, невидимой мысленной пирамиды общего духовного желания, обрел форму «единого духа города».

Березиков стал задыхаться. Было видно, что он боится ошибиться, боится назвать имя духа... Вдруг дух и появляется?

В это время чей-то голос тихо и внятно произнес слово: «Замолчи!»

Березиков, извинившись, стремительно вышел, за ним выбежали его поклонницы с графином воды.

В дальнем углу зала одиноко сидел Сережа-философ. За его спиной пульсировал радужный столбец Орионца.

— Что говорится на горе, не слышно в долине, — мелькнула общая мысль в конференц-зале. И чтения продолжились, как будто ничего не случилось.

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА.

P.S. В коридоре Березиков успокоился, мы купили его книжки с автографом путешественника. Есть его книга и в моей домашней библиотечке. Но закралось в голову сомнение: Березиков не назвал имени, но и мы не знаем имени Орионца... Или духа горы Березовой?

— Но я уже говорил, что и наши имена — не настоящие!

Так сказал Орионец... Орионец не обманщик. И Сережа-философ отправился на поиски своего настоящего имени...

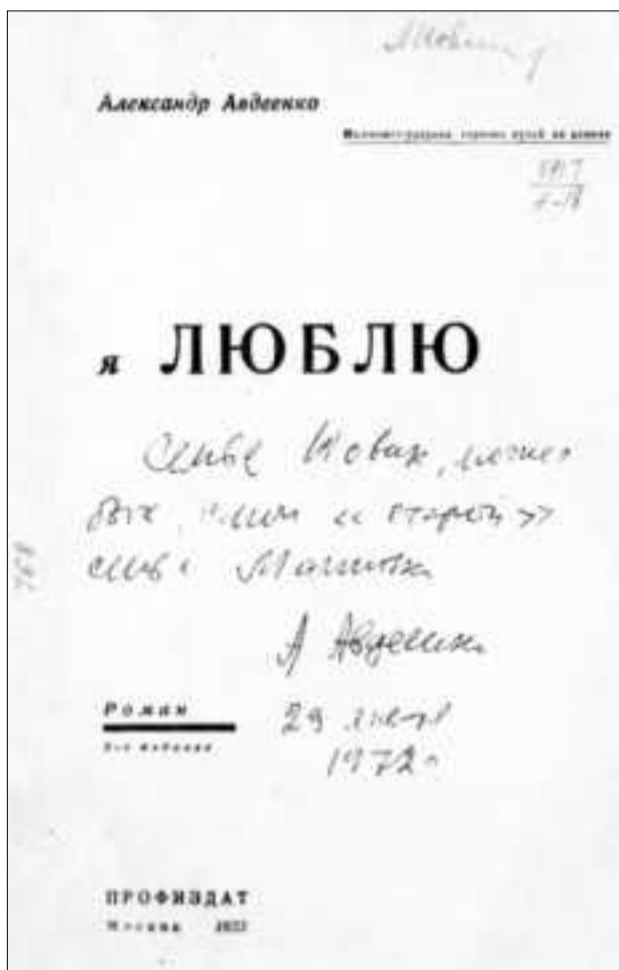
Личный пафос в отражении сталинской эпохи

ОДНА РЕЧЬ — И ВСЯ ЖИЗНЬ

«КОГДА У МЕНЯ родился сын, когда он научится говорить, то первое слово, которое он произнесет, будет — Сталин». В зале вспыхнула буря аплодисментов. Это цитата из автобиографической повести-исповеди Александра Авдеенко «Наказание без преступления» (Москва, Советская Россия, 1991).

Александра Авдеенко мы считаем магнитогорцем не только потому, что он проработал полтора года в Магнитогорске в самом начале истории комбината, но больше потому, что он был одним из немногих литераторов, кто отразил историю Магнитки в своих произведениях, как говорят: «по совокупности трудов». Авдеенко, несомненно, оставил заметный отпечаток на литературной истории нашего города, но о самом Авдеенко нам известно не много. Что выходит за рамки обычной сухой биографии, каждый новый факт из его жизни или комментарии мы воспринимаем с интересом. Пожалуй, одним из самых интересных документов об Авдеенко является его книга, цитата из которой приведена вначале. Книга является попыткой автора объяснить свои взаимоотношения с окружением, партийными и литературными функционерами, но воспринимается как попытка личного оправдания. И невольно создается впечатление, что автор оправдывается именно за те слова в книге, которые вырваны из контекста его же выступления.

Приведенная цитата показывает всю глубину публичного обожествления Сталина, которое было присуще партийно-общественной жизни СССР в начале 30-х годов. В это обожание еще не был подмешан страх — события, толчком к которым стало убийство С. М. Кирова, были еще впереди. Авдеенко, молодой литератор «от станка», в неполные 26 лет получивший огромную известность первой же своей повестью «Я люблю», которая после редакции А. Горького и Всеволода Иванова была напечатана в альманахе «Год XVI» и вышла многочисленными книжными изданиями, был переполнен восторженными чувствами. Он хотел поделиться ими со всеми, он хотел писать великие книги, у него впереди блестящее будущее. Он живет и работает в Свердловске, куда переехал после разделения Уральской области на ряд областей. Магнитогорск отошел к Челябинской области, и Авдеенко поддался уговорам И. Д. Кабакова — секретаря Свердловского обкома — уехать и творить с другими молодыми писателями в столице Урала. Черновик его новой повести «Столица», опять же о Магнитке, правда, называемой в тексте Железногорском, только что одобрен А. Горьким. Он избран и сидит в

АВДЕЕНКО Александр Остапович — советский писатель. Член СП СССР (с 1945). Родился в августе 1908 года в д. Макеевке, на Донбассе. Работал машинистом паровоза на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. В 1933-м опубликовал свой первый роман «Я люблю» автобиографического характера. Был делегатом I съезда писателей в 1934 году от Уральской областной писательской организации. Магнитогорску и его людям посвятил произведения «Судьба» (1936), «В поте лица своего» (1979), «Войди в огонь, в котором я горю» (1977) и др. Скончался в июне 1996 года в Москве.

президиуме собрания всего цвета советской интеллигенции Свердловска, перебирая в руках листки с текстом восторженной речи, с которой он выступит. Речь произнесена и напечатана в «Правде» 9 декабря 1934 года и приведена в книге «Наказание без преступления». А месяцем позже Александра Остаповича выбирают делегатом на VII Всесоюзный съезд Советов.

И вот он в Москве. За день до открытия съезда его вызывает Л. Мехлис, главный редактор «Правды». «Прекрасная у вас была речь в Свердловске. Громкий резонанс имела. Вовремя прозвучала. Почти все коммунистические газеты мира перепечатали ее. Но она была бы еще лучше, если бы вы не разделили Советскую власть и Сталина. Вы говорите: «Я счастлив, смел, дерзок, силен, любопытен, люблю все красивое, здоровое, хорошее, правдивое — все благодаря тебе, Советская власть». Советская власть — это прежде всего Сталин. Именно его мы за все должны благодарить. А вы об этом ничего не скажете...»

Ночью в номере гостиницы «Националь» Авдеенко пишет новую речь, заменяя в своей свердловской речи «Советскую власть» на «великий воспитатель Сталин». Речь произнесена. Ее следует рассматривать как типичный образец публич-

ных выступлений эпохи. Мы разыскали ее текст в номере «Магнитогорского рабочего» от 2 февраля 1935 года и приводим здесь полностью. Пусть читатель сам делает выводы.

Речь писателя тов. А. Авдеенко на VII Всесоюзном съезде Советов:

«Сегодняшнюю свою речь я хотел бы назвать «За что я аплодировал товарищу Сталину».

Товарищи делегаты, я стану глубоким стариком, но я никогда не забуду, как два дня назад мы встречали т. Сталина. Я никогда не был счастливее, видя и испытывая великую любовь и преданность к Сталину. Я горжусь этим. Пройдут столетия, и грядущие коммунистические поколения будут нас считать самыми счастливыми людьми из всех смертных, из всех живущих на земле во все века, потому что мы видели Сталина — гениального вождя, мудрого, смеющегося, ласкового, величественно простого.

Да, мы и считаем себя счастливейшими людьми, что живем в одну эпоху с этим неповторимым человеком, подобным Ленину. Нет сейчас ни одного уголка в нашей стране, где бы имя вождя не произносилось с величайшей любовью, уважением и гордостью.

Когда Сталин вышел на трибуну, что-то неизмеримое по своей силе, грохоту, кри-

кам, чувствам произошло в зале. Две тысячи делегатов вскочили с кресел, аплодировали, кричали «ура», улыбались ему, родному Иосифу Виссарионовичу. И мы все видели за Сталиным страну социализма, новые заводы, фабрики, самолеты, переделанный Урал, Сибирь, новых людей, бесклассовое общество, близкий социализм.

Я ощущал на расстоянии силу, обаяние, величие Сталина. Мне хотелось петь, кричать, стонать, реветь от счастья и восторга. Так стихийно вырвалась из моей груди и из сотен, тысяч других грудей песня. Кончив петь, мы опять аплодировали. Опять грохотал дворец.

Да, так за что же я аплодировал Сталину? Начну издали.

Я был карманщиком, взломщиком, шулером, авантюристом, я перепробовал все профессии. Я охотился за хорошей жизнью, а люди охотились за мной. И в ограблении, и когда я заносил нож, мною двигала, во мне вечно жила великая, неуемная ненависть, злоба. Постепенно я стал человеком-зверем. Я был не один. Я видел тысячи похожих на меня и взломщиков, и карманщиков.

Советская власть вернула нас к жизни трудом, доверием, удивительной заботой. Каждое наше предприятие, вся наша советская система — это один большой комбинат по перевоспитанию человека.

Вот Агриппина Корева. Жизнь ее протачила как сквозь мясорубку, через все свои дыры. Едва научившись ходить, она стала нянчить чужих детей. Ее морили голодом. Ее гноили в подвалах. Ее сажали в дом терпимости. Посмотрите теперь на Агриппину Кореванову. Старуха воскресла, она начала новое летоисчисление, новую жизнь, она и физический помолодела, она — лучшая общественница города Свердловска, учит жить на своем горьком опыте молодое поколение.

А вот другой представитель: татарин Галиуллин, тоже уралец. До революции ходил по оврагам, драл дохлых лошадей. Им в городах и деревнях пугали детей. Сейчас его знает вся страна. Это он дал мировой рекорд в Магнитогорске по выемке земли, по замесу бетона, по арматуре. Его 44 раза премировали.

Я — один из этих тысяч.

Я — полноправный гражданин, Я силен, гуляю на свободе, люблю свободу. Я воспитываю в себе самые лучшие человеческие чувства: любовь, преданность, честность, героизм, бескорыстие, — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин.

Я пишу книги. Я — писатель, я мечтаю создать незабываемое произведение, — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин.

Я вечно счастлив, жизнелюбив, непоколебимо бодр. Я с большим сожалением ложусь в постель, с радостью просыпаюсь. Я буду жить сто лет, волосы мои поседеют, но

я останусь вечно счастлив, радостен, — все благодаря тебе, великий воспитатель Сталин.

Я не один, нас десятки, тысячи призванных к жизни людей. В Свердловске мой друг, бывший правонарушитель, Коля Николаев кончает институт машиностроения, мечтает спроектировать замечательную машину. В Киеве кончает институт второй мой друг Алексей Тыркалов — художник. Он пишет картины, мечтает создать мировое полотно, — все благодаря тебе, великий Сталин.

Нас много. Мы — инженеры, писатели, летчики, журналисты, слесари, монтеры, члены правительства, хозяйева городов, исследователи Арктики, ученые, — все благодаря тебе, великий мудрый воспитатель.

Наша любовь, преданность, сила, сердце, героизм, жизнь, — все для тебя, Сталин.

Твое имя будет на каждом заводе, на каждой машине, на каждом клочке земли, в каждом сердце человека.

Когда моя любимая девушка родит мне ребенка, первое слово, которому я его научу, будет — Сталин. (Продолжительные аплодисменты.)

Документ замечательный. За него не надо оправдываться. Он был одним из тысячи подобных. По-другому было нельзя, а когда волна успеха несет тебя в блестящее будущее — то иное и немислимо. Целиком эта речь малоизвестна, встречаются упоминания лишь последней фразы, но и та при более позднем воспроизведении отличается от стенограммы, даже в книге самого Авдеенко. Речи Авдеенко не отказать в своеобразной смелости и красоте. Он открывал себя всем, он публично давал обещания, а их надо сдерживать. Немногочисленные известные мнения критиков ложатся в одну борозду — Авдеенко был дальновидным сталинистом. А может быть, это просто была восторженная речь молодого юноши, который выступал перед самой влиятельной взрослой аудиторией и которого «понесло» под влиянием и пафосом момента? Каждый из нас может припомнить подобный пафосный момент в своей жизни — он мог быть, как у Авдеенко, перед большой аудиторией, а могло быть всего два-три слушателя, но ты опьянен собой и говоришь, говоришь...

А для нас, кто интересуется историей Магнитки и известных людей, к ней причастных, ценность данного документа в том, что он раскрывает некоторые белые пятна биографии А. О. Авдеенко, касающиеся его скитаний и молодости, а также упоминает пару неизвестных имен. Мы можем сомневаться в правомерности использования этих имен в речи, но документ существует и его надо вернуть читателю.

АНАТОЛИЙ ИОВИК, ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ.

P.S. Авторы благодарят сотрудника Магнитогорского архива Г. Мироненко за помощь в подготовке материала.